

УДК 930.2+930.001.12

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

**ЭТНОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ДЕШТ-И КЫПЧАКА
КАК ОБЪЕКТ ДИСКУССИИ
(К СТАТЬЕ В.А. ИВАНОВА «КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ»)**

Д.М. Тимохин¹, В.В. Тишин²

¹ *ФГБУН Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
horezm83@mail.ru*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: вышедшая в 2018 г. статья профессора В.А. Иванова поднимает важную проблему необходимости корреляции данных письменных источников с археологическими материалами относительно территориальной привязки племенных группировок Дешт-и Кыпчака в эпоху, предшествовавшую монгольскому завоеванию. Авторы настоящей статьи солидарны с В.А. Ивановым в том, что поставленная им проблема существует, однако, они не могут согласиться с преподнесением ее в том ключе, как предлагается оппонентом. Исследование этнических процессов в евразийских степях представляются им несколько более сложными, чем В.А. Иванову, а упреки в адрес авторов, работающих с письменными источниками, кажутся им не совсем справедливыми и корректными.

Материалы исследования: авторы обратились к наиболее значимым и показательным, на их взгляд, вопросам, связанным с идентификацией племенных группировок Дешт-и Кыпчака, для чего пришлось прибегать как непосредственно к письменным источникам, так и к историографическому наследию. База задействованных письменных источников представлена, прежде всего, арабо-персидскими историческими сочинениями. По мере необходимости авторы обращали внимание на данные языка и археологии.

Результаты и научная новизна: выделяя несколько показательных проблем в этнической истории Дешт-и Кыпчака, авторы стремились продемонстрировать недостаточность письменных данных для их однозначного решения. В то же время наглядно показано, что ряд выводов, делающихся на основе такого материала, зачастую требуют перепроверки, поскольку непосредственно связаны с личностью пришедшего к ним исследователя. Авторы выражают сомнения в том, что археология располагает достаточными материалами по истории Восточной части Дешт-и Кыпчака, потому пока вопрос о соотношении их с письменными источниками преждевременен.

Ключевые слова: письменные источники, археологические материалы, кочевники, Дешт-и Кыпчак, кыпчаки, этническая история, историография

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Этноплеменной состав Дешт-и Кыпчака как объект дискуссии (к статье В.А. Иванова «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков») // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

Благодарности: Работа Д.М. Тимохина выполнена в рамках Государственного задания 0179/2019-0004 «Закономерности исторического развития народов Востока с

древнейших времен до середины XX века». Работа В.В. Тишина выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

**ETHNO-TRIBAL COMPOSITION OF DESHT-I KIPCHAK
AS AN OBJECT OF DISCUSSION
(ON V.A. IVANOV'S ARTICLE "NOMADS OF THE GOLDEN HORDE
IN THE PERCEPTION OF MODERN HISTORIANS")**

D.M. Timokhin¹, V.V. Tishin²

¹ *Institute of Oriental Studies of the RAS
Moscow, Russian Federation
horezm83@mail.ru*

² *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation
tihij-511@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* Published in 2018, an article by Prof. V.A. Ivanov pointed to a pressing problem regarding the possibility to correlate information provided in written sources with archaeological data, discussing it in the context of issues of localization of nomadic tribal groups in the Desht-i Kipchak in the period preceding the Mongol conquest. The authors of the present article are in agreement with V.A. Ivanov in recognizing this problem. However, they cannot agree with his manner of its presentation. A study of ethnic processes in the Eurasian steppes seems more complex than is presented in V.A. Ivanov's view. In addition, it seems to the authors that Ivanov's reproaches to researchers working with written sources are not entirely fair and correct.

Research materials: The authors submitted for discussion some of the more significant and indicative issues, in their view, related to the broad problem of identification of nomadic tribal groups of the Desht-i Kipchak. Therefore, they had to resort to both written sources and the body of research works. The foundation of the written sources used here is represented, first of all, by Arabic-Persian historical works. In addition, the data of linguistics and archaeology was also involved in the paper.

Results and novelty of the research: Pointing to several of the most illustrative issues in the ethnic history of the Desht-i Kipchak, the authors sought to demonstrate the real lack of unambiguous solutions based on data in written sources. Often real historical problems are dependent on subjective interpretation of texts provided by scholars. At the same time, their results are influenced by a combination of factors – such as the degree of informativeness of written sources as well as the approaches and personal capacities of the researcher. Moreover, the authors of this article express doubts that archaeologists have sufficient material on the history of the Eastern Desht-i Kipchak. Therefore, the question of the possibility of correlating this archaeological material with written sources is premature.

Keywords: written sources, archaeological materials, nomads, Desht-i Kipchak, Kipchaks, ethnic history, historiography

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. Ethno-tribal Composition of Desht-i Kipchak as an Object of Discussion (on V.A. Ivanov's article "Nomads of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians"). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

Acknowledgments: D.M. Timokhin's work was carried out within the framework of State Assignment 0179/2019-0004 "Patterns of the historical development of the peoples of the East from ancient times to the mid-twentieth century". V.V. Tishin's work was supported by the Comprehensive Program of Fundamental Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4.

В третьем номере за 2018 год журнала «Золотоордынское обозрение» профессором В.А. Ивановым была опубликована статья «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков», помещенная редакционной коллегией в раздел «Дискуссия», что, по-видимому, нужно рассматривать именно как вызов к собственно дискуссии. Главный посыл статьи В.А. Иванова, нужно понимать, состоит в том, что в современной историографии среди авторов, работающих с письменными источниками, отсутствует консенсус в отношении представлений о локализации тех или иных групп кочевнического населения территорий, вошедших впоследствии в состав Золотой Орды в период, предшествующий монгольским завоеваниям, и это, в свою очередь, определенным образом тормозит работы археологов, не позволяя им уверенно атрибутировать вещественный материал. Статья, по сути, носит историографический характер, представляя собой, по словам самого В.А. Иванова, «обзор "исторической полифонии" восточного Дешт-и-Кыпчак и завоевания его монголами» [3, с. 629]. Сам автор формулирует цель работы следующим образом: «показать, как современные историки воспринимают и трактуют историю кочевников Золотой Орды, основным источником информации о которых являются археологические источники» [3, с. 618]. Безусловно, археологу желательно получить возможность точной корреляции встречаемых в письменных источниках этнонимов с конкретными археологическими памятниками. Поскольку точка зрения авторов настоящей статьи также не осталась незамеченной В.А. Ивановым [3, с. 629], мы не могли остаться в стороне от обсуждения обозначенной проблемы.

Необходимо обратить внимание на то, что, предлагая вниманию читателей обзор историографии истории Дешт-и Кыпчака, В.А. Иванов выстраивает его методологически неверно: значительное внимание уделяется работам «обзорного характера», т.е. базирующимся, в основном, на исследованиях, а не работе с историческими источниками. Неоспоримо, что такого рода работы должны быть включены в историографические обзоры в рамках монографий, однако в случае со статьей анализировать нынешний уровень историографии по тем или иным вопросам истории кочевых племен Дешт-и Кыпчака следовало бы на материале трудов, в которых содержатся как минимум оригинальные выводы, а не пересказ, в большей части, мнений предшествующих исследователей. Соответственно, не вызывает удивления сожаление В.А. Иванова о том, что «в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников» [3, с. 629]. Достаточно указать, что в статье наибольшее внимание приковано к работам Я.В. Пилипчука, монографии И. Зимони, Н. Кузембаева, а точка зрения В.В. Трепавлова, например, упоминается однократно и без какого-

либо анализа. Авторская выборка и логика в данном случае вызывает еще больше вопросов: в ряду современных исследований у него неоднократно фигурируют работы С.М. Ахинжанова. Тут надо или обозначить, что следует понимать под «современными исследованиями», или же учитывать тогда также позиции, например, В.В. Бартольда и З.М. Буниятова по тем же вопросам. Возможно, читателю покажется, что перед ним попытка придаться к отдельным моментам статьи В.А. Иванова, но последствия методологического «феномена» нивелирует обоснование тех идей автора указанной работы, с которыми нам бы хотелось бы согласиться.

Неясность с критерием подбора литературы дополняет неясность предпочтений В.А. Иванова тем или иным точкам зрения. Например, автор пишет: «В.Я. Пилипчук¹ считает (и, по-моему, справедливо), что в XI – начале XIII вв. Дешт-и-Кыпчак представлял собой конгломерат отдельных орд – “вождеством” племени ильбари/ольбери, занимавшую огромную территорию от Тарбагатай (“крайние восточные границы конфедерации восточных кыпчаков располагались поблизости от хребта Тарбагатай”) до Приаралья. Между Аральским и Каспийским морями, как считает исследователь, располагались уже владения канглов². То есть, на расстоянии почти 1500 км с востока на запад (практически вся территория современного Казахстана) кочевали племена, политически (а, следовательно – и административно) контролируемые ильбари/ольбери. Они совершали регулярные нападения на Волжскую Булгарию, Саксин, иштяков, восточных венгров и башкир (?)» [3, с. 625]. Отсутствие каких-либо аргументов оставляет непонятным предпочтение В.А. Иванова мнению Я.В. Пилипчука, при том, что точка зрения украинского исследователя приводится в ряду мнений других специалистов, которые, таким образом, автоматически попадают в разряд «неверных». Подобный казус возможен лишь в том случае, если исследователь работает с заведомо ограниченным кругом историографических источников и не формирует при этом четких критериев при работе с ними. В результате, в данном случае, не только точка зрения украинского исследователя теряет значение, но и собственно авторская позиция по данному вопросу становится весьма уязвимой. Используя В.А. Иванов более изощренный инструментальный или же просто методологически грамотно подойди к анализу историографии – этой критике ему удалось бы избежать. В связи со всем выше сказанным несколько странной выглядит ключевая претензия археолога к историкам, сформулированная автором следующим образом: «в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников. Более того – он там вообще отсутствует, будучи подменен механистическим “дайджестом” из средневековых нарративов и суждений предшественников» [3, с. 629]. Вероятно, в отношении отдельных работ, приведенных В.А. Ивановым, подобного рода суждения верны, однако само такое обобщение, кажется, заслуживало бы гораздо более существенного обоснования. Вероятно, при другой подаче историографического материала, для читателя не составило бы труда, как и для самого автора, отделить работы с тем самым

¹ В тексте статьи описка – нужно «Я.В. Пилипчук».

² Корректнее писать *канглы*, не склоняя, поскольку это не русскоязычная форма множественного числа от некоего «кангл» (?), а тюркское слово.

«механистическим “дайджестом”» от исследований качественно иного уровня. Однако в статье В.А. Иванова этого нет, как и объяснения того, что следует считать «дайджестом» и каковы особенности такого рода работ по истории Дешт-и Кыпчака. Между тем сама проблема является более сложной, чем это может показаться некоторым коллегам.

Само требование археолога к «письменникам» вполне справедливо и оправданно ввиду их зависимости археологических интерпретаций от существующего фактического материала. На самом деле, не так давно об этом высказывался еще великий востоковед Д. Синор. Затрагивая, правда, в более широком аспекте, вопрос о возможностях археологии в изучении этнолингвистических процессов в истории степной Евразии, Д. Синор сказал следующее: «К сожалению, результаты археологических изысканий редко могут вписаться в картину исторических исследований. Касательно Внутренней Азии рискованно соотносить исторические данные, основанные на письменных источниках, с данными археологии. На основе каких данных, без сторонних свидетельств, можно отличить могилы одного народа от могил другого? Когда кто-то считает, что то или иное погребение принадлежит тюркскому или монгольскому народу, в его голове вполне может возникнуть шуточный вопрос: что подтверждает эту идентификацию – горшок, лук? или же выкопанный череп на самом деле поздоровался с исследователем на тюркском или монгольском языке?» [25, р. 6].

В нашем случае вопрос о языке пока не ставится, хотя из-за отсутствия письменных памятников он вряд ли когда-нибудь сможет быть решен. В частности, как писал тот же Д. Синор, «из-за недостатка письменных нарративных источников, ученые зачастую пытаются буквально выжать какие-нибудь выводы путем сомнительных этимологий. Бесчисленное число авторов писали бесчисленное множество статей (справедливости ради, это следует отнести на свой счет), посвященных различным заключениям о языке, на котором говорит тот или иной народ, исходя при этом только лишь на этимологизации его этнонима, чиновничьей титулатуры или нескольких отдельных, помещенных вне контекста слов, зафиксированных, скажем, в каком-нибудь китайском, греческом или иранском тексте. Даже в том случае, когда мы еще не располагали каким-либо отдельным словом, говорившим бы нам о языке данного народа, мы уже определяли его язык» [25, р. 4].

В нашем случае речь идет о населении определенной части евразийской степи в конкретный исторический период, когда накопленные данные уверенно позволяют говорить об его тюркоязычии. Так или иначе, сама проблема идентификации тех или иных археологических объектов и проблема локализации территорий расселения отдельных племенных группировок по письменным источникам гораздо сложнее, чем это кажется со стороны. Это именно та ситуация, когда получить простые и однозначные ответы едва ли возможно.

При всей широте фонда письменных источников именно его многообразие, заключающееся в принадлежности тех или иных текстов к разным культурным традициям (мусульманские, китайские, тюркские, латинские и др.), осложняет задачу интерпретации, требующей погружения в контекст каждого отдельного сочинения через особенности самой традиции, в рамках которой оно было создано. Но даже в рамках одной традиции, в кругу источников, незначительно отдаленных друг от друга хронологически, часто бывает невозможно найти

какое-то общее решение. Свидетельство тому – различные показания ан-Насави, Джузджани и Джувейни относительно происхождения Теркен хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. Вопрос о соотношении между собой этнонимов *кыпчак*, *йемек*, *канглы*, *байавут*, *эврэн*³, *йугур* оказывается гораздо более сложным, если именно углубляться в источники, а не стремиться искусственно «раскидать» их между собой, представляя в виде обозначения таксономических единиц разного уровня в рамках какой-то единой структуры, по принципу наподобие «клан (род) – подплемя – племя – союз племен» и т.п. (ср.: [14, с. 215]) Точно также нельзя просто так механически нанести их все на карту. Это значит, что работа с письменными источниками подразумевает не просто прочтение содержания текста и восприятие его как перечня фактов, а требует чрезвычайно критического подхода к его наполнению.

Возвращаясь к упомянутому В.А. Ивановым «механистическому “дайджесту” из средневековых нарративов и суждений предшественников» [3, с. 629], в отношении последних следует указать, что В.А. Иванов сам замечает, что «суждения предшественников» «тоже являются своего рода источниками, требующими соответствующей источниковедческой критики» [3, с. 629].

Если касаться не «обзорных», а именно самостоятельных исследовательских работ, по нашему мнению, нельзя, говоря как о «современных авторах», так и о «предшественниках», ставить в один ряд исследователей, имеющих разную специальную подготовку и, соответственно, различные возможности для работы с источниками. Наверное, мало кто из археологов стал бы спорить с утверждением, что к интерпретации вещественного материала, предпринятой археологом, уровень доверия будет выше, чем если это сделает человек, даже имеющий историческое образование, но не замеченный ранее в умении работы с материальными источниками. Точно также следует отличать выводы, основанные на работе с оригиналами письменных источников, и результаты, полученные на основе выполненного кем-то перевода, т.е. через вторичный источник. Мы не собираемся поднимать дискуссию о целесообразности переводной работы вообще или о необходимости владения языками среди исследователей, оговорившись, что не пропагандируем какую-либо из крайних позиций по каждому из этих вопросов. Об этом, в частности, неплохо сказал, Н.Н. Крадин, защищая от нападок востоковедов Т.Дж. Барфилда, а также Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилева: «Несомненно, хорошее владение китайским языком полезно для специалиста, изучающего кочевников Внутренней Азии. Однако в силу существующего разделения наук это очень проблематично. По той же причине востоковеды, как правило, имеют менее глубокие знания в области этнологии и этнографии. В идеале было бы хорошо иметь одинаково хорошие знания в области языков, этнографии и археологии» [4, с. 209, прим. 55]. В конце концов, даже возможность исследователя читать на том или ином восточном языке еще отнюдь не гарантирует автоматически качественного выполнения им критической работы в отношении источника.

Однако, озвученный нами момент кажется важным для оценки значимости работ предшественников, которая должна быть сделана адекватно и взвешенно,

³ Обычно пишут *уран* или *оран*, но, как мы уже обращали внимание, вслед за Х. Эрэнном, это, по-видимому, неправильно [14, с. 214]. Я.В. Пилипчук в своей монографии принял нашу правку без соответствующих ссылок и без каких-либо оговорок [6, с. 77].

прежде чем критиковать последователей того или иного автора. Нельзя равнять друг с другом, например, работы В.В. Бартольда и С.М. Ахинжанова – даже не потому, что исследователи жили и творили в разное время и в разных условиях для науки, а потому что это исследователи совершенно разного профиля. В.В. Бартольд как историк-филолог, владевший арабским и фарси, несомненно, лучше знал созданные в рамках мусульманской традиции сочинения, что заочно определяет уровень доверия к сделанным им на основе их анализа заключениям. При этом хорошо известно, что его совершенно не привлекала полевая работа с материальными источниками, в то время как тот же С.М. Ахинжанов был именно археологом. Когда мы говорим «нельзя равнять/сравнивать друг с другом», мы не подразумеваем то, что кто-то «лучше», а кто-то «хуже», а говорим именно о том, что каждый исследователь обладает своими преимуществами перед другими, равно в чем-то уступая. Как и человек, не имеющий возможности читать оригинал источника, бессилён перед выбором между двумя различающимися переводами, точно так же и человек, не разбирающийся в археологических штудиях, может только слепо довериться тому или иному специалисту, при этом они оба рискуют попасть под огонь критики специалистов.

Авторы настоящей статьи только на основе бесед с коллегами-археологами могут позволить себе сделать такое, возможно, дилетантское с виду, заключение, что, например, вопросы, связанные с выявлением датирующих и/или атрибутирующих признаков тех или иных археологических объектов на основе анализа в совокупности, как всего предметного комплекса, так и конструктивных особенностей объекта, для решения столько же сложны, как и «препарирование» текста для специалистов соответствующего профиля. Игнорирование или упущение отдельных деталей чревато перегибами в интерпретации.

Таким образом, если мы сами владеем материалом, с которым работали наши предшественники, мы имеем все возможности решить для себя, результаты изысканий какого из авторов мы принимаем, лишь где-то подкорректировав, а чьи результаты мы должны пересмотреть полностью. Например, степень научной подготовки, осторожность и сдержанность суждений, как и честность перед собой и читателем в способностях решить тот или иной вопрос, характерные для работ В.В. Бартольда, навсегда оставят его работы в статусе фундамента для ученых последующих поколений. Только введение в оборот новых источников может внести какие-то коррективы в сделанные им построения. Если же речь идет об авторе, который отдавал предпочтения гипотезам, а не сдержанной критике, не всегда имея возможность сдержать полет своей мысли, его работа устареет гораздо быстрее – даже просто потому, что следующий исследователь найдет как слабые места в его логических построениях, так и противоречия со сведениями источников. Но даже и авторы, не боящиеся гипотез, если они строят их на кропотливом анализе источникового материала, оставят после себя гораздо более богатое наследие даже в виде разрозненных источниковедческих заметок, что, например, мы можем сказать о работах Й. Маркварта или П. Пельо. Только некомпетентный критик может упрекнуть современного автора в наличии большинства ссылок на их работы и их количественное доминирование перед современными исследованиями. Последние за редкими исключениями, к которым, например, относятся работы П. Голдена, совершенно не могут быть сравнимы по глубине исследования, выверенности суждений и полноте аргументации с работами многих «современных авторов».

Поэтому следование авторов предшественникам заслуживает столько же внимания, сколько выявление происхождения или преемственности сведений, представленных в исторических текстах.

В сегодняшних условиях мы сталкиваемся с новым вызовом к исследователям. Расширение библиографии даже по одной исторической проблеме происходит чрезвычайно динамическими темпами и становится совершенно ясно, что прочитать всего невозможно – даже не по причине того, что какая-то литература может оказаться на недоступном для исследователя языке, а просто по причине нехватки времени. Однако само увеличение количества напечатанных работ не является показателем качества. Все эти работы различаются по своей научной ценности. Поэтому главной проблемой сегодня является выработка критериев, позволивших бы фильтровать бесконечно печатающиеся работы именно с точки зрения их ценности для науки. Эта проблема упирается в вопрос методике и методологии. Сегодня объективно уже не могут считаться конкурентоспособными работы, просто сводящие в какую-то концептуальную канву фактический материал, если речь идет о вопросах, имеющих длительную историю изучения, и точно так же мало значения имеют работы, воспроизводящие давно известные гипотезы и теории, неизвестные, правда лишь самим авторам, которые открывают что-то для себя, но на деле «изобретают велосипед». Их существование является даже не историографическим, а больше историческим фактом.

Наверняка, это мысль встретит удивленный, а, возможно, даже возмущенный вопрос: а кто судьи? Хорошо известно, что и характер критики предшественников и коллег-современников, так же как и вообще наличие или отсутствие ссылок на тех или иных авторов в определенной части случаев могут быть обусловлены не столько научными критериями, сколько личностными. Однако, отбрасывая этот аспект, касающийся, скорее, сферы этики, следует отметить, что правом оценивать качество тех или иных работ могут обладать только специалисты в конкретной области. Как археолог видит натяжки в датировке или атрибуции отдельных предметов или целых комплексов у коллег, точно так же человек, имеющий возможность работать с письменным источником, судит об уровне интерпретаций, построенных на основе текстов.

Учитывая такое объективное для наших дней явление как узость специализаций различных направлений науки даже в рамках цельных дисциплин, сегодня, как уже отмечалось выше, трудно ожидать появления широкопрофильных специалистов, поэтому остается только один выход – кооперироваться: либо осуществлять исследования, требующие работы с разнородным материалом коллективными усилиями, либо консультироваться со специалистами в тех или иных областях, или же – ограничивать себя в задачах. Современная картина иногда напоминает своеобразное соревнование между авторами по написанию работ, при том, что каждый из них осуществляет свою деятельность словно в изоляции от остального научного мира. Главный приоритет – не продвинуть вперед изучение какой-либо проблемы, а просто заявить о себе, сказать свое слово. Погоня за оригинальностью и сенсационностью при пренебрежении историографией и отсутствии внимания к методологическим вопросам, однако, сводит ценность таких работ к нулю. Занятие наукой превращается именно в творчество, самореализацию, что приближает его, скорее, к

журналистике. Однако, если подходить к проблеме честно, следует заявить, что сегодня нельзя просто так прийти «с улицы» и написать, например, «Историю кыпчаков», даже просто собрав доступные переводы исторических текстов и механически выстроить извлеченный фактический материал, не углубляясь ни в критику источников, ни в полемику с другими авторами⁴. При этом и сама полемика, как ясно из всего выше сказанного, должна строиться отнюдь не по принципу «тот-то считает так-то, тот-то так-то, а вот мы считаем так-то»: обращение к источниковому материалу здесь необходимо и неизбежно.

Другой вопрос – это общее снижение научного уровня сегодня, по крайней мере, на пространствах бывшего Советского Союза, где отсутствует сама по себе система подготовки качественных специалистов уровня В.В. Бартольда или современных исследователей ведущих зарубежных школ. Преимущества последних в знании языков (как современных, так и древних) и владении исследовательской методологией задают темп работы и эталон, к которому нужно стремиться. Достаточно указать на слова А. Рона-Таша, сказанные касательно изучения в венгерской традиции хазарской проблематики: «...исследователи уделяли основное внимание изучению филологических и лингвистических проблем, пытаясь в то же время обойти исторические. Этому есть много причин. Одна из них в том, что после прихода к власти коммунистов в Венгрии многие ученые определили себя как лингвисты, поскольку историки были вынуждены полностью освоить марксистскую идеологию, тогда как лингвисты могли обходиться несколькими цитатами...» [11, с. 112, 121, прим. 9]. Нас волнуют в данном случае не коммунисты, а сам тот факт, что исследователи смогли при необходимости легко и быстро переквалифицироваться из историков в лингвисты. Можно ли такое было представить в Советском Союзе или в любом из сегодняшних постсоветских государств? Многие зарубежные школы не утратили связи с традициями классической науки, когда филология считалась прикладной дисциплиной и неотъемлемой составляющей исторических исследований (достаточно вспомнить работы Й. Маркварта в Германии и П. Пельво во Франции), а в той же Венгрии, где интерес к языкам всегда был особо сильным⁵, основатель «будапештской школы» Л. Лигети, «ключевая фигура в венгерской ориенталистике»⁶, сам будучи, прежде всего, лингвистом, считал, что изучение языка какого-либо народа должно происходить в тесной связи с его

⁴ Достаточно просто указать на появившиеся в последние годы совершенно дилетантские статьи и книги Ю.А. Евстигнеева. Наиболее показательный пример того, как абсолютно ничего не смыслящий в предмете изучения автор, при абсолютном незнании ни источников, ни литературы, берется решать глобальные вопросы, апеллируя, соответственно, к давно устаревшим гипотезам и несостоятельной методологии. О творениях этого автора можно было бы не упоминать, если бы они не выпускались в научных изданиях. Специалистам очевидно, что это профанация, но неподготовленный читатель, неспособный различить качество продукта, оказывается в зоне риска.

⁵ Особенно к алтайским, что, впрочем, было обусловлено самой историей венгерского народа, тесно связанной с тюркским миром [22].

⁶ «Лигети был вице-президентом Венгерской академии наук, президентом ее Восточной комиссии, основателем Acta Orientalia, главой факультета Центральной Азии, Института изучения Китая и Дальнего Востока, а также некоторое время стоял во главе факультета тюркологии в Будапештском университете. Почти все венгерские ученые-ориенталисты (тюркологи, монголоведы, тибетологи, синологи и др.) после 1945 г. были его учениками, или, по меньшей мере, он сыграл значительную роль в их карьере» [11, с. 111, 121, прим. 6].

историей и прививал этот взгляд своим ученикам [12, с. 157, 158]. Именно за счет внимания к «филологическим и лингвистическим проблемам», венгерскими исследователями было сделано очень многое в области изучения этнонимии, личной ономастики, титулатуры и вообще в сфере лингвистических контактов кочевнических общностей.

Объективно приходится признать, что работы обреченных заочно на слишком узкую подготовку, например, российских исследователей, слишком часто подвержены методологическому детерминизму – когда исследователь оказывается неспособным взглянуть на предмет исследования, не выходя за рамки тех схем, которые начертаны его специальностью. Это ограничивает потенциал самих работ и снижает их конкурентоспособность. Это уже другая проблема, перед которой стоит, в частности, российская наука (вообще на постсоветском пространстве в целом дела не лучше), не имеющая прямого отношения к дискуссии.

Минувший 2018 год отмечен выходом трех монографий, где, так или иначе, затрагиваются вопросы, озвученные В.А. Ивановым. Это, во-первых, монография А.А. Порсина «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра» [7], затрагивающая, на самом деле, гораздо более широкий круг вопросов и тематически, и хронологически, чем это заявлено в названии; во-вторых, монография украинского исследователя Я.В. Пилипчука «Соціальна історія кипчаків у IX – XIII ст.» [6], наверное, первая попытка создания подобной работы, также затрагивающая значительный спектр проблем, часто не имеющих непосредственного отношения к собственно социальной истории, но очень важных в целом; в-третьих, книга Д.М. Тимохина и В.В. Тишина «Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII в.» [15]. Все три отличаются походом к источниковому материалу. Мы не можем здесь обсуждать те или иные позиции двух других авторов, наших коллег, имея значительные разногласия с ними, но отметим, что в нашей работе как раз была предпринята попытка специально разобраться с проблемами племенной структуры и локализации тех или иных кочевнических групп Восточного Дешт-и Кыпчака в исторический период, предшествовавший монгольскому завоеванию⁷. Нам не хочется, чтобы наши слова были интерпретированы как реклама своей работы, но думается, не будет ничего предосудительного, если в данной статье мы будем опираться на результаты проделанных исследований.

Чтобы адекватно смотреть на проблемы истории Дешт-и Кыпчака домонгольского периода и, в частности, распределить между собой весь калейдоскоп известных этнонимов, недостаточно просто прочитать источники. Появление любого отдельного на страницах того или иного исторического сочинения является не просто отражением в тексте каких-то реалий, которые мы не поймем, если не признаем тот факт, что оно имеет свою историю, связан-

⁷ К сожалению, книга вышла с множеством досадных опечаток и даже пропусков. В частности, автор настоящей статьи уже принес свои извинения П.Б. Голдену за такой досадный момент, что, например, его фамилия, в тех местах, где следует читать ее в именительном падеже стоит в форме родительного. Несмотря на это, думается, мы сумели достичь определенного научного результата, при том, что нам уже сейчас, спустя некоторое время после издания этой работы, очевидны и более важные недостатки именно научного характера.

ную непосредственно с личностью автора источника. Почему ан-Насави, Джузджани и Джувейни по-разному говорят о происхождении Теркен хатун? В одном случае – это племя (перс. *қабїлаҳ* قبيلخ [qbylh], араб. *‘ашйрат* عشيرت [‘šyrt]) *байāvūt* بياوت [byâwwt]), являющееся одной из ветвей (перс. *фарӯ* فرو [frw‘], араб. *фарағ* فرغ [frġ]) *йемеков*⁸, в другом – племя *канглы*, в третьем – ее отец зовется ханом *кыпчаков* [23, s. 171, anm. 1; 19, p. 23, note 78; 2, с. 206, 235–236]⁹. Как это соотносится с тем, что у того же Джузджани, равно как и в других, в сущности, синхронных источниках (монгольских, западно-европейских, китайских и др.) *кыпчаки* и *канглы* упоминаются как два равнозначных этнонима, маркирующие, как можно подумать, разные общности, а, например, в сочинениях мусульманских авторов наименования *канглы* и *йемек* фигурируют среди названий других племен *кыпчаков*? (см.: [15, с. 99–103])? Как с этим соотносится тот факт, что правитель Делийского султаната Улуг хан-и Аджам (Гийас ад-Дин Балбан, правил в 1266–1287 гг.) назван у Джузджани «ханом *йлбры* يلبرى [ylbry] и шахом *йемеков*» [23, s. 171–172; 21, p. 107]? Откуда в этом случае в 1183 г. в Поволжье появились *половцы емякове*, т.е. носители наименования *йемек* [20, p. 121]?

Следует сразу оговорить, что относительно первого из примеров в недавней вышедшей статье нам удалось привести доказательства в пользу того, что основное противоречие в отношении происхождения Теркен хатун в большей степени связано с отражением этого в исторических источниках с одной стороны, и желанием многих исследователей найти в ее противостоянии с Джалал ад-Дином Манкбурны межплеменной конфликт – с другой стороны (см.: [16]). Относительно второго момента: в главном источнике по данной проблеме, труде ан-Насави, не упоминается племенная принадлежность ай-Чичек, матери Джалал ад-Дина, и это единственная причина, по которой ее относят к другому тюркскому кочевому племени. Последнее абсолютно бездоказательно на уровне исторических источников, однако становится объектом длительной историографической дискуссии и многочисленных вариантов реконструкции племенной принадлежности ай-Чичек. Однако подробный анализ труда ан-Насави позволяет предположить и доказать тот факт, что обе указанные правительницы вполне могли принадлежать к одной и той же племенной структуре, а персидский историк сознательно не привел указание на это в своем труде. При этом в своем же труде ан-Насави однозначно указывает на то, что у хорезмшахов рождались дети только от «дочерей кыпчакских владык», что также подтверждает единство племенного происхождения обеих правительниц Хорезма: «Кипчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [5, с. 220]. Что же касается противоречивых данных относительно происхождения самой Теркен хатун в исторических источниках, то, с нашей точки зре-

⁸ Ранее мы приводили только передачу оригинальных слов лишь из арабского перевода ан-Насави [15, с. 102].

⁹ Мы не касаемся уже явно поздних версий, например, аз-Захаби или Ибн Халдуна о каракитайском происхождении Теркен хатун [18, p. 144].

ния, никакого противоречия в свидетельствах ан-Насави, Джувейни и Джузджани относительно ее происхождения нет. Ответ следует искать в понимании средневековыми историками указанных этнонимов: авторы данной работы показали, что этноним *кыпчак* в рассматриваемый период обладал более широким значением, чем *йемек* и *канглы*. Оба последних использовались для обозначения более конкретной кыпчакской группировки, распространившей свои владения в степях Восточного, Южного и Центрального Казахстана, доходя до низовьев Сыр-Дарьи [16, с. 96]. Таким образом, одновременно все три средневековых автора указывают на кыпчакское происхождение матери Ала ад-Дина Мухаммада, приводя разные, известные им, группировки, входившие в состав кыпчаков.

Эти и многие другие случаи позволяют только лишь расположить этнонимы *байавут*, *эврэн*, **ольберли(г)* в условной таксономической схеме ниже, чем *кыпчак*, *йемек* и *канглы*. Употребление же последних в синхронных источниках тоже не оставляет ясности. Только этноним *кыпчак* фигурирует как единица наиболее высокого уровня. При этом этноним *канглы*, появившись только после, по крайней мере, третьей четверти XI в., потому что его нет у Махмуда ал-Кашгари, фигурирует у различных мусульманских авторов в составе кыпчакских племен [20, р. 115], как и *йемек*, известный, однако, гораздо раньше [20, р. 121]. Это не значит, что, даже при учете всех этих контекстов, следует говорить об одном и том же этнониме в привязке с историей одной общности. В истории кочевников хорошо известны явления, когда наименование одной кочевнической группы, занявшей доминирующее отношение над другими, распространяется на них в качестве своеобразного политонима, при этом все они, как доминирующая, так и подчиненные группировки, сохраняют и свои изначальные названия. В результате распада этого объединения в силу тех или иных причин, название доминирующей группы может унаследовать (или присвоить) любая из групп, прежде носивших подчиненное положение, наряду с тем, что оно сохраняется у самой той общности, носившей его изначально как собственное название. Точно также и любая из таких общностей может подвергнуться распаду или разделению, но при этом обе могут носить одно и то же имя, даже оказавшись со временем в разных географических регионах и вобрав в себя элементы других общностей. Динамичность всех этих процессов, связанных с миграциями, образованием, распадом, разделением отдельных кочевнических групп обусловила гибкость самой социальной организации кочевников, где как численность и состав таксонов, как соотношение между ними, были такими же изменчивыми [24, о. 25–47]. При всей подвижности сегментов, составляющих структуру их социальной организации для самих кочевников представления об иерархическом соотношении тех или иных кочевнических групп, носящих свои наименования, существовали скорее в форме некоей теоретической модели, при том, что и представления о месте той или иной единицы, когда речь идет о сегментах низших уровней, были у них достаточно смутными, и сама терминология, используемая для обозначения этих сегментов, была весьма расплывчата [17, с. 217–222]. Насколько все эти процессы были ясны и уловимы иноземным историкам? Могли ли они получить адекватное отражение в их сочинениях?

Несмотря на то, что факторы, способствующие формированию крупных кочевнических объединений, условия и ход этого процесса в каждом случае могут быть разными, важнейшим является то соображение, что эти объединения всегда были многокомпонентны, а элементарной единицей также выступали группы, состоящие из нескольких семей, родственных или неродственных, объединенных хозяйственными интересами, которые еще Г. Вамбери предложил условно называть *аул*. И именно процессы объединения, отсоединения и перемещения таких групп обуславливают то обстоятельство, что такие созданные ими образования любой численности не могут рассматриваться как «этнические» в привычном значении этого слова [27, s. 181–185]. Это то, почему в отношении любых кочевнических общностей лучше не употреблять слов типа «народ», «народность», «этнос», как с большой оговоркой употреблять и определение «этнический».

На основе анализа различных источниковых данных мы пришли к согласию с С.Г. Кляшторным, считавшим, что *канглы* представляло собой изначально локальное название группы кыпчакских племен в долине Средней Сыр-Дарьи, став таковым уже однозначно к XII в. [15, с. 120–121]. Этот район, у северных границ Хорезма, фигурирует в источниках как один из основных центров их активности. И как раз где-то здесь произошла и битва войск хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада с монголами в 1218 г., как нам удалось установить, обратив внимание на указание С.Г. Агаджанова о том, что в XII в. русло р. Иргиз, где локализуется битва ан-Насави, доходило до бассейна р. Сыр-Дарьи [1, с. 155; 15, с. 133–134, 234]. Такая локализация места, не севернее линии Арал–Балхаш, и хорошо вписывается в исторический контекст, и пресекает вопросы о логичности локализации битвы где-то еще, совсем далеко от Хорезмийских территорий¹⁰. При этом корреляция названия *канглы* с наименованием *йемек* может быть также объяснена тем, что в течение какого-то исторического периода *канглы* распространили свое влияние на территории, исторически связанные с расселением племенной группировки *йемек*, имя которой уже в эпоху Махмуда ал-Кашгари (третья четверть XI в.) носила локальная племенная группа на левом берегу Иртыша. При этом сама эта группа, получившая когда-то название *канглы*, скорее всего, была тесно связана с *йемеками* таким образом, что прежде входила в состав той же племенной группировки, т.е. в период т.н. Кимекского каганата¹¹. В период, когда писалось сочинение ан-Насави, это был уже явный анахронизм. В частности, в китайских источниках, а также в ряде мусульманских (Джувейни, Рашид ад-Дин), когда речь заходит о событиях второй половины XII в., *канглы* помещаются именно на Верхнем Иртыше и о них говорится как о соседях *найманов* [15, с. 143–145]. Однако, ничто не позволяет исключать, что та же группа племен *канглы* использовала и наименование *йемек*.

Таким образом, встречая наименование *йемек* на Иртыше и на Волге в одно и то же время, мы не хотим сказать, что речь идет о какой-то одной группировке. На Волге вполне могла оказаться и самостоятельная группа, когда-то

¹⁰ В цитируемой В.А. Ивановым нашей работе этому важнейшему моменту не было уделено внимания [3, с. 629]. Однако вопрос был специально разобран нами в другой публикации: [13].

¹¹ Вопрос о соотношении названий *йемек* ~ *кимек* мы не имеем возможности здесь затронуть.

откочевавшая от иртышских сородичей, попавших под власть *канглы*. Аналогично может объясняться и употребление у Джузджани во взаимосвязи наименований *بَلْبَرِي* [*ylbry*], отождествляемого с **ольберли(г)*, и *йемек*. И точно так же это автоматически не означает, как при этом и не исключает того, что *половци емякове*, единожды упомянутые в древнерусских летописях, были связаны с той самой нижеволжской группировкой **ольберли(г)*. В.А. Иванов склонен отождествлять последних с упоминаемой в древнерусских памятниках ордой *Боурчевичей* [3, с. 622–623]. Но как в таком случае объяснить тот факт, что мусульманские источники упоминают *бурджоглы* и **ольберли(г)* как названия двух разных племен, при том, что ад-Димашки вовсе связывает первых со степью, пограничной с Хорезмом [20, р. 110, 116–117]?

А как быть с распределением наименований *байавут*, *эврэн*, *йугур* [20, р. 110, 117–118, 121]? Про второй мы ничего сказать не можем, кроме того, что он совпадает с тюркским словом, имеющим значение ‘змея’. Для этимологизации первого из упомянутых выше этнонимов П.Б. Голден предложил наиболее оптимальную версию – как кыпчакизированный вариант исходного *bajayut* (при *-ayu-* > *-awu-*), известного в лексиконе древнеуйгурских памятников в значении ‘торговец’ [20, р. 110], что, по-видимому, никак не связано с известным в огузской среде наименованием *bajat* и монгольским *bajayut* ~ *baja'ut*. При этом «Юань ши» 元史 дает косвенные основания связывать **ольберли(г)* и *байавут*, где в реконструируемом сочетании **ольберли(г)* *байавут* обе его части могут рассматриваться и как двойной этноним, т.е. две единицы выступают как таксономически равноправные, либо первый должен иметь расширительное значение, и точно так же первое может выступать как название местности [15, с. 115, 119]. С наименованием *йугур* все тоже, более или менее, ясно: это образовавшая в результате метатезы форма от исходного *уйгур* [20, р. 103, 121].

Оба наименования заставляют нас углубиться в процессы, связанные с миграциями и формированием племенных группировок на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, и, по-видимому, нет ничего удивительного в том, что на конец XII в. мы можем наблюдать в составе племен Дешт-и Кыпчака наименования группировок, чьи корни уходят дальше, на восток, углубляя нас в эпоху, связанную с распадом Уйгурского каганата [15, с. 130–137, 206–222]. При этом надо учитывать, что мы видим лишь некую преемственность этнонимов, история кочевания которых отнюдь не тождественна истории конкретных общностей.

Можно ли здесь дать конкретные ответы на вопросы, связанные с отождествлением тех или иных кочевых групп? Именно их, по-видимому, хотел бы видеть В.А. Иванов. Однако мы можем, в свою очередь, посмотреть с другой стороны. Какие есть у археологов на сегодняшний момент возможности помочь науке в привязке тех или иных общностей, в конкретный исторический период носивших какой-либо известный по источникам этноним, к какому-либо археологическому объекту или, лучше, комплексу объектов? Если, допустим, наука располагает возможностями выделить для тех или иных групп памятников «критерий “кыпчакскости”» [3, с. 630], подразумевая под этим возможность отделить их от памятников, например, огузо-печенежского круга, то есть ли у археологов какие-то основания для выделения внутри этой совокуп-

ности памятников критериев «канглыскости», «ольберли(г)скости», «байавутскости», «йугурскости» и др.? Какие характеристики могут точно так же отделить друг от друга группировки, например, огузского или печенежского круга? Несмотря на то, что как мусульманские, так византийские и древнерусские источники упоминают *печенегов* и *огузов/торков* как две равнозначные по политическому статусу общности, каждая из которых имеет и свой ареал кочевания, и свою внутреннюю структуру (к тому же, они враждуют между собой), огузо-туркменская традиция упоминает имя *печенег* в составе племенной структуры огузов, что подтверждается и соответствующим топографическим материалом более поздних эпох, относящимся к тем территориям, где появления печенегов письменными источниками не отмечено, например, в Малой Азии и Сирии [26, s. 36–37, 175, 180, 320–323]. Это по-разному можно интерпретировать: связывать с печенегами, находившимися на службе у византийцев, в 1071 г во время битвы при Манцикерте перешедших к сельджукам [26, s. 54, 102], либо, как Фарук Сюмер, изначально говорить о сосуществовании двух группировок с одинаковым названием, исторически, несомненно, связанных, но выступающих в разном политическом статусе или, как мы условно говорим, представленными единицами различного таксономического уровня.

В любом случае даже факты вариативности представленного в погребениях предметного комплекса различной степени, как и локальные особенности погребально-поминальной обрядности (способ захоронения, положение и ориентировка погребенного при ингумации, наличие/отсутствие сопроводительного захоронения животного или его частей, положение и ориентировка животного при наличии, конструкция погребально-поминальных сооружений и т.д.) у населения определенной территории в конкретный хронологический отрезок вполне ожидаемые, учитывая многокомпонентность политических объединений кочевников, не могут служить основательным критерием для привязки их к известной по письменным памятникам этнонимам. Примером, отражающим такой случай, может служить ситуация в восточной части Казахстана, Западной и Южной Сибири, где мы будем пытаться разобраться с населением эпохи Кимекского каганата. Но даже если речь идет о тех случаях, когда картина не так значительно разнообразна, как, например, в Северо-причерноморских степях¹², то и в этом случае, как мы видели выше с *бурджоглы/Боурчевичами* и **ольберли(г)/Отперлюеве ~ Оперлюеве*, не так все просто. Думается, чрезвычайно сложно у кочевников, идентифицировавших себя, даже принадлежа к разным племенам, в рамках одной общности, ожидать каких-то ярких признаков, позволивших бы четко отделить одно условное племя от другого, а, тем более, если в источниках нет четкого понимания, насколько данное именование соответствует условному племени или социальной единице более низкого таксономического уровня. Как предостерегал еще А.М. Хазанов, «всегда есть риск, что археологические данные об отдельном сегменте общества могут быть ошибочно распространены на таксономические подразделения более высокого уровня, особенно если этому сегменту присущи некоторые культурные особенности» [17, с. 28].

В связи с этими вопросами нельзя обратить внимание на проблему собственно возможностей археологов на сегодняшний день. Если в отношении

¹² Иногда некорректно именуемых по традиции «Южнорусскими».

западной части Дешт-и Кыпчака благодаря целым поколениям археологов, в том числе трудам самого В.А. Иванова, мы обладаем достаточно солидным материалом, то совсем иначе обстоит дело с его восточной частью. Плохая изученность в археологическом отношении территории Казахстана на предмет выявления т.н. «средневековых» памятников едва ли пока может дать нам возможности искать в скудном материале какие-то конкретные племенные группировки.

Источником, гораздо больше перспективным для таких идентификаций, может служить тамговый материал. Именно последнее десятилетие, пожалуй, у исследователей наметился особый всплеск внимания к этому источнику. Однако, если говорить о тамговом материале с территории Дешт-и Кыпчака интересующей нас эпохи, то на данный момент, насколько можно судить по результатам последних исследований, активно проводимых, в частности, на территории Казахстана, именно период XI–XIII вв. в этом отношении остается «белым пятном», в то время как тамговый материал предыдущего периода, который можно назвать «тюркским» или, по нашему мнению, лучше «древнетюркским», как и материал постмонгольского времени, очень богат [8; 9; 10].

Мы хотели бы предложить В.А. Иванову изменить постановку проблемы, несколько переместив акценты. Нам кажется, что сам факт выхода его статьи свидетельствует о несомненной актуальности поднятой им проблемы, но, как мы попытались объяснить, не совсем правомерно винить в ней коллег, работающих с письменными источниками. Мы попытались кратко объяснить все обстоятельства, обуславливающие объективную сложность затрагиваемой проблематики, и, понимая претензии археологов, хотелось бы выразить надежду также на взаимное понимание и с их стороны. По нашему мнению, вместо взаимных нападок друг на друга среди специалистов в различных сферах гораздо лучше было бы перейти к кооперации усилий и созданию комплексных исследований, как раз за которыми и есть будущее исторической науки, как можно думать, исходя из тех тенденций, которые мы также попытались обозначить. Точно так же, как безвозвратно ушло время энциклопедистов, уходит то время, когда узкий специалист, будь то историк, филолог, археолог или антрополог/этнолог, может в одиночку решить какую-то глобальную проблему. Возрастающие требования к качеству исследований, требующие углубленности и в то же время всесторонности, постепенно оставляют нам возможность заниматься узкими проблемами, в которых мы можем считать себя компетентными, и одновременно препятствуют попыткам интервенции в смежные отрасли, в которых работают годами оттачивающие мастерство специалисты. Что же касается истории Дешт-и Кыпчака домонгольского времени, хотя она еще не написана, но вообще после многочисленных работ П.Б. Голдена едва ли тут остаются какие-либо слабо разработанные вопросы, которые можно затронуть на основе письменных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

3. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 618–634.
4. *Крадин Н.Н.* Монгольская империя в современной западной историографии // История Небесной империи, Т. I: История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. Ларичева В.Е.; пер. с маньчж. Тюрюминой Л.В. и Каменского П.И.; коммент. Тюрюминой Л.В. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. С. 201–218.
5. *ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели Буниятова З.М. Баку: Элм, 1973. 450 с.
6. *Пилипчук Я.* Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст. Київ; Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, ТОВ «ТВОРИ», 2018. 340, [20] с.
7. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
8. *Рогожинский А.Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы / Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012] / ред. кол.: Телебаев Г.Т., Мухамеджанова Н.С., Рогожинский А.Е. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.
9. *Рогожинский А.Е.* Проблемы изучения удостоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 226–240.
10. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф. / под ред. Боброва В.В. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 53–63.
11. *Рона-Таи А.* Хазары и мадьяры // Хазары / ред. кол.: Петрухин В., Москович В., Федорчук А., Кулик А., Шапира Д. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2005 (Евреи и славяне. Вып. 16). С. 111–124.
12. *Санжеев Г.Д.* Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 155–158.
13. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* К вопросу о локализации «сражения на Тургайской равнине» между армией Хорезма и монгольским корпусом Джучи-хана // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в Государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / редкол.: Мухетдинов Д.В. (пред.), Зайцев И.В., Тишин В.В. (отв. ред.), Хабутдинов А.Ю., Хайретдинов Д.З., Юзев А.Н. М.: Издательский Дом «Медина», 2017. С. 516–533.
14. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* [Рец. на] Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кипчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, Ғылым, 2015. 248 с. // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 210–218.
15. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII в. М.: ИВ РАН. 2018. 380 с.
16. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.
17. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

18. *Biran B.* The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 298 p.
19. *Golden P.B.* Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988]. T. VI. P. 5–29.
20. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq clans and tribes // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
21. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: Pelliot P. et Hambis L. Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. xxvii + 485 p.
22. *Ligeti L.* Az Akadémia könyvtára és az orientalisztika // *Magyar Könyvszemle*. 1977. XCIII évf. 1. szám 1. 3–13. o.
23. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // *Bang W., Marquart J.* Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Koeniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge, Bd. XIII, № 1). S. 25–238.
24. *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o.
25. *Sinor D.* Reflections on the history and historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 58(1): Proceedings of the First International Conference on the Mediaeval History of the Eurasian Steppe: Szeged, Hungary May 11–16, 2004: Part I. 2005. P. 3–14.
26. *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara, 1972 (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları: 170). xv + 532 s.
27. *Vámbéry H.* Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. xii + 638 s.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 22.04.2020 Принята к публикации 14.08.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays of the History of the Oghuz and Turkmens from the ninth to thirteenth centuries]. Ashkhabad: Ylym, 1969. 296 p. (In Russian)
2. Akhinzhanov S.M. *Қыпчакі v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 1995. 296 p. (In Russian)
3. Ivanov V.A. Kochevniki Zolotoy Ordy v vospriyatii sovremennykh istorikov [Nomads of the Golden Horde in the perception of modern historians]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634 (In Russian)
4. Kradin N.N. Mongol'skaya imperiya v sovremennoy zapadnoy istoriografii [The Mongol Empire in the modern historiography]. *Istoriia Nebesnoi imperii*, Tom 1. *Istoriya pervykh pyati khanov iz doma Chingisova* [History of the Heaven Empire, Vol. 1: History of the First Khans of the Chinggis's Dynasty]. Larichev V.E. (ed.), Tyuryumia L.V.,

Kamensky P.I. (trans.). Novosibirsk: Institute of Automation and Electrometry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 201–218. (In Russian)

5. An-Nasavi Shikhab ad-Din Mukhammad. *Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny* [The Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny]. Buniyatov Z.M. (trans.). Baku: Elm, 1973. 450 p. (In Russian)

6. Pilipchuk Ya. *Sotsial'na istoriya kipchakiv u IX–XIII st.* [A Social History of Kipchaks from the ninth to thirteenth centuries]. Kiyv, Vinnitsia: M.P. Dragomanov National Pedagogical University, 2018. 340, [20] p. (In Ukrainian)

7. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beibarsa al-Mansuri “Zubdat al-Fikra”* [History of the Golden Horde of the late thirteenth and early fourteenth centuries in the work of Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri “Zubdat al-fikra”]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)

8. Rogozhinsky A.E. Tamgi-petroglify srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana: itogi noveishikh issledovaniy i perspektivy dal'neyshego izucheniya [Tamgha-petroglyphs of medieval nomads of Kazakhstan: Results of recent researches and perspectives of future studies]. *Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara “Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura”* (30 noyabrya 2012 g. Almaty, 2012) [Proceedings of the International Seminar “Historic Cultural Heritage and Modern Culture” (November 30, 2012, Almaty)]. Telebaev G.T., Mukhamedzhanova N.S., and Rogozhinsky A.E. (eds). Almaty: Service Press, 2012, pp. 91–104. (In Russian)

9. Rogozhinsky A.E. Problemy izucheniya udostoveritel'nykh znakov srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana [Problems of studying the certifying signs of medieval nomads of Kazakhstan]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Social Sciences and Humanities Series)]. 2013, no. 3, pp. 226–240. (In Russian)

10. Rogozhinsky A.E. Znaki sobstvennosti i vlasti drevnikh i srednevekovykh obitateley kazakhskoy stepi [Signs of ownership and power of ancient and Medieval inhabitants of Kazakh steppe]. *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia): mat-ly mezhdunar. konf.* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia: Proceedings of International Conference]. Bobrov V.V. (ed.). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, pp. 53–63. (In Russian)

11. Rona-Tas A. Khazary i mad'yary [The Khazars and Magyars]. *Khazary* [The Khazars]. Petrukhin V.V., Moskovich V., Fedorchuk A., Kulik A., and Shapira D. (eds). Jerusalem: “Gesharim”; Moscow: “Bridges of culture”, 2005, pp. 111–124. (In Russian)

12. Sanzheev G.D. Akademik Lajos Ligeti i razvitie altaistiki v Vengrii [Academician Lajos Ligeti and development of Altaic studies in Hungary]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1962, no. 5, pp. 155–158. (In Russian)

13. Timokhin D.M., Tishin V.V. K voprosu o lokalizatsii “srazheniya na Turgayskoy ravnine” mezhdru armiey Khorezma i mongol'skim korpusom Dzhuchi-khana [On the problem of localization of the battle between Khwarazmian troops and Mongol army of Jochi Khan]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v Gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g.* [The Thirteenth Faizkhanov Readings: The Heritage of the Golden Horde in the Nationhood and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia. Proceedings of International Research Conference (St. Petersburg, May 4–6, 2016)]. Mukhetdinov D.V., Zaitsev I.V., Tishin V.V., Khabutdinov A.Yu., Khayretdinov D.Z., and Iuzeev A.N. (eds). Moscow: “Medina”, 2017, pp. 516–533. (In Russian)

14. Timokhin D.M., Tishin V.V. [Review on] Pilipchuk Ia.V., Sabitov Zh.M. Ocherki etnopoliticheskoy istorii kypchakov [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Astana, Gylym, 2015. 248 s. *Vostok (Oriens)*. 2017, no. 6, pp. 210–218. (In Russian)

15. Timokhin D. M., Tishin V.V. *Ocherki istorii Khorezma i vostochnogo Desht-i Kypchaka v XI – nachale XIII v.* [Essays of the History of Khwarazm and the Desht-i

Kipchak from the eleventh to early thirteenth century]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 380 p. (In Russian)

16. Timokhin D.M., Tishin V.V. Proiskhozhdenie Terken-khatun, materi khorezmshakha Ala ad-Dina Mukhammada: k probleme sootnosheniya etnonimov v vostochnom Desht-i Kypchake v XII – nachale XIII vv. v istoricheskikh istochnikakh [An origin of Terken Khatun, mother of Khwarazmshah Ala al-Din Muhammad: Toward the problem of correlation between ethnonyms in the Eastern Desht-i Kipchak in the early thirteenth century in historical sources]. *Materialy II-i nauchnoy konferentsii srednevekovoy istorii Desht-i Kypchaka* [Proceeding of the Second Research Conference of Medieval History of the Desht-i Kipchak]. Pavlodar: TOO NPF “EKO”, 2018, pp. 83–103. (In Russian)

17. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and Outside World]. 3rd ed. Almaty: Daik-Press, 2002. 604 p. (In Russian)

18. Biran B. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 298 p.

19. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988], vol. 6, pp. 5–29.

20. Golden P.B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq clans and tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997, vol. 9, pp. 99–122.

21. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou*. Vol. 1. Pelliot P., Hambis L. (tr.). Leiden: E.J. Brill, 1951. xxvii + 485 p. (In French)

22. Ligeti L. Az Akadémia könyvtára és az orientalisztika [Library of the Academy and Oriental Studies]. *Magyar Könyvszemle* [Hungarian Book Review]. 1977, vol. 93, pt. 1, no. 1, pp. 3–130. (In Hungarian)

23. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914, pp. 25–238. (In German)

24. Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása* [Formation of the Hungarians during the Conquest Period]. 2nd ed. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 p. [In Hungarian]

25. Sinor D. Reflections on the history and historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. 58(1): *Proceedings of the First International Conference on the Mediaeval History of the Eurasian Steppe: Szeged, Hungary May 11–16, 2004*. Part I. 2005, pp. 3–14.

26. Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları* [Oghuzs (Turkmens): A History, Tribal Organization, Folklore]. 2nd ed. Ankara: Ankara University Press, 1972. xv + 532 p. (In Turkish)

27. Vámbéry H. *Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. xii + 638 p. (In German)

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

Received April 22, 2020 Accepted for publication August 14, 2020
Published September 29, 2020